

Н. К. ГУДЗИЙ

Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“¹

После длительной работы по прочтению, переводу и комментированию текста рукописи „Слова о полку Игореве“ он в 1800 г. был издан А. И. Мусиным-Пушкиным. Это было крупнейшее событие в области истории русской литературы и культуры.

Мы не знаем точно, когда была открыта рукопись и сколько времени продолжалась работа над ней. Обычно открытие рукописи приурочивается к 1795 г., видимо лишь на единственном основании — на доверии к указанию Карамзина, в 1797 г. сообщившего в гамбургском журнале „Spectateur du Nord“, что „два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием Песнь Игоревых воинов“. Между тем существует указание, идущее еще от Шишкова и Сахарова, что над комментированием текста „Слова“ до его напечатания трудился известный русский историк XVIII в., приятель Мусина-Пушкина, И. И. Болтин, умерший в октябре 1792 г. Так, Шишков писал: „... надлежит заметить, что над переводом оной (т. е. „Песни о полку Игореве“.— Н. Г.) трудились многие и между прочим известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин.“² Сахаров, говоря о примечаниях в мусин-пушкинском издании „Слова“, пишет: „По преданию известно, что составлением этих примечаний занимался известный тогдашний критик Болтин“.³ В числе трудившихся над текстом „Слова“ называет Болтина и Дубенский.⁴ На указание Болтина и Сахарова ссылаются и А. Смирнов,⁵ и П. Вяземский,⁶ и некоторые другие исследователи, приурочивающие открытие рукописи „Слова“

¹ Доклад, прочитанный на сессии Отделения литературы и языка АН СССР и Института русской литературы АН СССР 9 декабря 1950 г.

² Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. XI, СПб., 1827, стр. 384.

³ Песни русского народа, ч. пятая, СПб., 1839, стр. 178.

⁴ „Слово о полку Игореве“ . . ., „Русские достопамятности“, ч. 3, М., 1844, стр. 1.

⁵ О „Слове о полку Игореве“, I, Воронеж, 1877, стр. 6.

⁶ „Слово о полку Игореве“. Исследование о вариантах, СПб., 1877, стр. 1.

к 1795 г., очевидно, не подозревая при этом, что Болтин умер за три года до этого.

В последнее время П. Н. Берков обратил внимание на то, что в статье П. А. Плавильщикова „Нечто о врожденном свойстве душ российских“, напечатанной в февральской книжке журнала „Зритель“ за 1792 г., имеется одно место, в котором можно видеть намек на осведомленность Плавильщикова о существовании рукописи „Слова о полку Игореве“. Тут имеются в виду слова Плавильщикова о том, что „даже во дни Ярослава, сына Владимирова, были стихотворные поэмы в честь ему и детям его“, а также его сообщение о том, что „существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной“ и что, „может быть, Россия вскоре их увидит“, потому что „есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища“. П. Н. Берков предполагает, что упоминание Плавильщикова о поэмах в честь Ярослава и детей его могло быть отголоском разговора о незадолго до этого приобретенной рукописи „Слова“, а намек на любителей отечественной древности мог относиться к Мусину-Пушкину.¹

Трудно, разумеется, сказать, в какой мере эти загадочные и очень неясные намеки Плавильщикова могут относиться к „Слову о полку Игореве“ и к Мусину-Пушкину как владельцу памятника. Возможно, что Плавильщиков знал о содержании „Слова“ лишь понаслышке и потому назвал его стихотворной поэмой в честь Ярослава и его детей. Возможно, что он бегло ознакомился лишь с началом текста „Слова“ и обратил внимание на свидетельство его о том, что Боян пел песни в честь Ярослава, Мстислава и Романа, и, по неведению, Мстислава, брата Ярослава, и Романа, его внука, счел детьми Ярослава. Что же касается „драгоценных остатков“ книжной старины, которые хранятся в книгохранилищах „охотников до редкостей древности отечественной“, то тут Плавильщиков, возможно, разумел обильные рукописные приобретения Мусина-Пушкина, свозившиеся в его дом на нескольких телегах и заключающие в себе такие драгоценные памятники, как, например, Лаврентьевская летопись, в которую, между прочим, входило „Поучение“ Владимира Мономаха, в 1793 г. изданное Мусиным-Пушкиным под именем „Духовной“ Мономаха. Возможно, конечно, что Плавильщикову известен был и факт приобретения Мусиным-Пушкиным сборника, содержавшего в себе текст „Слова“.

Нужно принять во внимание, что, по словам Калайдовича, биографа Мусина-Пушкина, в связи с назначением Мусина-Пушкина в 1791 г. обер-прокурором Синода, ему как страстному любителю и собирателю древних отечественных памятников, дано было Екатериной II позволе-

¹ П. Н. Берков. Заметки к изучению „Слова о полку Игореве“. Тр. Отд. др.-русск. лит. Инст. лит. АН СССР, VI, 1947, стр. 135—136.

ние всюду искать и требовать древние книги, в связи с чем Екатерина II 11 августа 1791 г. издала указ об извлечении из монастырских архивов и библиотек всех древних летописей и других, имеющих отношение к истории, документов, что дало возможность Мусину-Пушкину приобрести множество древних рукописей и печатных книг.¹

В свете этих фактов приобретает интерес сообщение проф. А. А. Кочубинского, сделанное им А. В. Лонгинову, о том, что в бытность первого в Ярославле, на археологическом съезде, он познакомился с делом (по описи № 18) о высылке Мусину-Пушкину 12 августа 1791 г., вместе со Степенной книгой трех из пяти хронографов, находившихся в библиотеке Ярославского архиерейского дома. В описи точно указано количество листов в каждом из этих трех хронографов. К сожалению, Мусин-Пушкин в своем издании „Слова“ не указал, сколько листов занимал сборник, в который входило „Слово“, и мы не можем сделать сопоставления счета листов в каждом из переданных Мусину-Пушкину хронографов с количеством листов погибшего мусин-пушкинского сборника, но есть основание предполагать, что один из трех ярославских хронографов был тот, которым открывался погибший сборник со „Словом“, тем более, что, по сообщению того же А. А. Кочубинского, оставшиеся в Ярославском архиерейском доме два хронографа хранились там еще в пору поездки Кочубинского в Ярославль.²

Эта справка А. А. Кочубинского, указывающая на время пересылки Мусину-Пушкину хронографов Ярославского архиерейского дома в 1791 г., подкрепляет утверждение, впервые высказанное Шишковым, о том, что Болтин, умерший в 1792 г., знаком был с рукописью „Слова“, и, с другой стороны, это утверждение находит себе подкрепление в сообщении Кочубинского. Для полной ясности необходимо было бы проверить это сообщение, для чего нужно было бы обнаружить упомянутую Кочубинским опись посланных Мусину-Пушкину трех хронографов и попутно установить местонахождение двух хронографов (из числа этих трех), о гибели которых мы не имеем оснований предполагать, а также хронографов, хранившихся в Ярославском архиерейском доме в пору пребывания Кочубинского в Ярославле.

Как бы то ни было, сборник с текстом „Слова“ мог попасть в руки Мусину-Пушкину лишь после 1788 г.—времени обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, скорее всего — спустя несколько лет после этого, что явствует из письма самого Мусина-Пушкина к Калайдовичу: „До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата оставался он в том монастыре на обещании до самой смерти

¹ Зап. и тр. Общ. ист. и др. рос., ч. II, 1824, II, стр. 12—13.

² А. В. Лонгинов. Историческое исследование сказания о походе северного князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, стр. 229.

своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф в конце найдено «Слово о полку Игореве»¹.

Таким образом и это свидетельство Мусина-Пушкина не препятствует тому, чтобы приобретение им сборника со „Словом“ приурочить к началу 1790-х годов.

Если так, то со времени открытия текста „Слова“ до его опубликования прошло около десяти лет. В течение этого времени его изучал и переводил Мусин-Пушкин, не имевший ни достаточного опыта в чтении старинных рукописей, ни удовлетворительных знаний в старинном русском языке; сделана была копия рукописи для Екатерины II с переводом текста, изложением его содержания и примечаниями; видимо, еще раньше сделан был перевод „Слова“, сохранившийся в архиве князей Белосельских-Белозерских.² Несколько выписок из „Слова“ сделано было Карамзиным.

Чем объяснить такую исключительную медлительность Мусина-Пушкина в подготовке к изданию рукописи „Слова о полку Игореве“? Едва ли только тем, что сам он испытывал затруднения в его чтении, переводе и комментировании. Ведь он мог гораздо раньше, чем сделал это, обратиться за помощью к более сведущим людям, как и поступил впоследствии. Скорее всего следует думать, что он недооценивал, по крайней мере на первых порах, значения „Слова“. Ведь поторопился же он с изданием „Духовной“ („Поучения“) Владимира Мономаха, вышедшей в свет очень скоро после приобретения им Лаврентьевского списка летописи, хотя издание „Поучения“ и перевод его и комментарии к нему связаны были для издателя также с немалыми трудностями. И стоит сравнить восторженную оценку, данную Мусиным-Пушкиным „Поучению“ Мономаха в его предисловии к изданию памятника, с довольно сдержанной оценкой „Слова“ в предисловии к нему, чтобы убедиться, что „Поучение“ Мономаха увлекло его гораздо больше, чем „Слово“.³ Если бы Мусин-Пушкин

¹ К. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Зап. и тр. Общ. ист. и др. рос., ч. II, М., 1824, II, стр. 36.

² О нем см.: Л. К. И л ь и н с к и й. Перевод „Слова о полку Игореве“ по рукоп. XVIII в., Пгр., 1920 (Памятники древней письменности и искусства, CLXXXIX).

³ В предисловии к мусин-пушкинскому изданию „Слова“ читаем: „Любители российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух О с с и а н о в; следовательно, и наши древние герои имели своих б а р д о в, воспевавших им хвалу. Жаль только, что имя сочинителя неизвестным осталось. Нет нужды замечать возвышенных и коренных в сей поэме выражений, могущих навсегда послужить образцем витийства; благоразумный читатель сам отличит оные от некоторых мелочных подробностей, в тогдашнем веке терпимых, и от вкравшихся от переписки непонятностей“. Со значительно большим подъемом писал о „Слове“ Карамзин в своем сообщении о нем.

понимал как следует всю ценность „Слова“, он, нужно думать, увез бы, как драгоценнейшее сокровище, сборник, в котором содержалось „Слово“, из Москвы перед вступлением в нее французов и не допустил бы гибели рукописи.

Мы бессильны установить, с какой степенью точности мусин-пушкинское издание „Слова“ воспроизвело подлинный текст погибшей рукописи. Совершенно бесспорно, что в этом издании мы имеем несколько случаев неправильного разделения слов, причиной чего было недостаточное умение редакторов читать текст, написанный сплошным письмом, без отделения слов одно от другого. Так, тут напечатано: „Не лѣполи“, „луцѣжь“, „на переди“, „къ мети“, „по морію“, „по Сулію“, „небылонь“, „тояже“, „сице и“, „стугою“, „по скочи“, „вмоемъ“, „му жа имѣся“, „затвори въ Дунаю“. Очевидно, судя по правильному параллельному переводу первого издания, здесь, как и в других местах в тексте, дело не обошлось без грубых опечаток. Вообще корректура издания 1800 г., видимо, отличалась небрежностью.

Нужно думать, что в этом издании были и другие, более существенные ошибки и отступления от подлинника. Что касается Мусина-Пушкина, то он, дилетант и любитель, был чрезвычайно слаб в палеографии, плохо знал древне-русский язык и, как издатель, был весьма небрежен. О его палеографических и лингвистических данных можно судить хотя бы по тому, как он издал в 1793 г. „Почтение“ Владимира Мономаха. Издание это сопровождается очень хвалебной его рекомендацией: „Оное сочинение, под названіем Почтеніе, найдено в весьма древней летописи, написанной на пергаменте, из котораго и выписано оно со всевозможною точностію, так что не только реченье, но ниже буква одна не проронена и не переменена“. Однако эта рекомендация не соответствует качеству издания, изобилующего разнообразными ошибками: перепутаны написания *ѣ* и *е*, *ы* и *и*, *у* и *ю*, в ряде случаев неправильно раскрыты титла, неправильно прочитаны многие слова („благовласнымъ“ вм. „благословеннымъ“, „обильно“ вм. „обило“, „день“ вм. „днесъ“, „въ гробъ“ вм. „въ гробѣ“, „честны“ вм. „что ны“, „по Стугани“ вм. „по сту уганива [лъ]“, „дѣтехъ“ вм. „дѣдѣхъ“, „въ пѣсни и мѣсне“ вм. „пѣсній мѣсто“, „видѣхъ“ вм. „не видѣхъ“, „родился“ вм. „рядился“, „твой“ вм. „свой“ и мн. др.); немало тут ошибок и в разделении слов, что часто приводит к бессмыслице („то и“ вм. „той“, „къ мети“ вм. „къмети“, „даси ми словесы“ вм. „да сими словесы“, „дастѣмъ“ вм. „да с тѣмъ“, „въ метахъ“, „за утра“, „въ борзѣ“, „на лѣзохъ“ и др.).¹

В дальнейшем Мусин-Пушкин прибегнул к помощи А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского. По свидетельствованию Калайдовича, „корректуру держали А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые

¹ П. В. Владимиров. „Слово о полку Игореве“, вып. 1. Киев, 1894, стр. 16.

поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права вымарывать корректуру“.¹

Нет сомнения в том, что оба первые были опытнее в палеографии, чем Мусин-Пушкин, но мы не имеем ни одного образца изданий древне-русских памятников, выполненных Малиновским и Бантышем-Каменским, и потому не можем в точности судить, насколько оба они были на высоте палеографических требований. Нам известно, однако, что Малиновский поверил первоначально в подлинность поддельного списка „Слова“, сфабрикованного Бардиным. Ни Малиновский, ни Бантыш-Каменский не сочли нужным указать в мусин-пушкинском издании внешние признаки рукописи — характер почерка, материал, на котором она написана, особенности языка и орфографии, не определили, хотя бы приблизительно, век, к которому рукопись относится, не исправили явных ошибок в разделении слов, имевшихся в екатерининской копии. Собственноручные выписки Малиновского из рукописи „Слова“ в так называемых „бумагах Малиновского“, как показал М. Н. Сперанский, не лишены очевидных промахов.

Разумеется, палеографические знания в конце XVIII в. стояли еще не на высоком уровне и, в частности, палеографического описания издававшихся старых текстов мы не находим ни в одном издании памятников, сделанном в XVIII в.; тем не менее, наряду с изданиями, изобилующими ошибками, вроде мусин-пушкинского издания „Поучения“ Владимира Мономаха, мы имеем такое сравнительно очень точное издание, как Воскресенская летопись, вышедшая в 1795 г., за пять лет до издания „Слова“.

Сличение мусин-пушкинского текста „Слова“ с екатерининской копией убеждает нас в том, что во всяком случае мы не можем всецело полагаться на издателей рукописи и доверять изданию в отношении точного воспроизведения оригинала. Правда, по словам Р. Ф. Тимковского, „Карамзин уверял Калайдовича, что, по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению оказалось, что песнь о походе князя Игоря со всей точностью напечатана против подлинника, исключая слов вѣчи Трояни, вместо которых в подлиннике стоят сѣчи Трояни. Касательно же поставленного в скобках слова Ольга, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи“.² От себя Калайдович к сказанному Тимковским добавляет: „Он (Карамзин. — Н. Г.) то же находит и в других словах, в коих сходные в той рукописи между собой буквы в и с были принимаемы противно“.³ Но, во-первых, мы не можем быть уверены в том, что Карамзин специально занялся

¹ Сын отечества, 1839, VIII, март, отд. VI, стр. 17.

² Там же, стр. 20.

³ Летописи русской литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, стр. 90.

сличением буквы за буквой печатного текста с подлинником, во-вторых, как бы мы ни расценивали степень точности мусин-пушкинского издания, мы все же должны ограничить категоричность утверждения Карамзина, принимая в расчет бесспорные ошибки издания, в-третьих, наконец, в предисловии мусин-пушкинского издания ничего не сказано о том, что это издание в точности воспроизводит оригинал, что с гораздо меньшим основанием оговорено, как мы уже знаем, при издании Мусиным-Пушкиным „Поучения“ Мономаха.

Вскоре после гибели рукописи „Слова“ Тимковский просил Калайдовича попытаться у Мусина-Пушкина, между прочим, о том, „верно ли напечатана рукопись и не сделано ли каких перемен, ибо замечено, что в ней не соблюдено правописания, как поступили издатели при знаках препинания, почему слово Олег поставлено в скобках и другие“.¹ Нужно думать, что Калайдович запросил обо всем этом Мусина-Пушкина, но у нас нет никаких сведений о том, чтобы Мусин-Пушкин ответил на эти вопросы.

Всем сказанным мы отнюдь не хотим снизить качества мусин-пушкинской публикации „Слова“; для своего времени, при тогдашнем состоянии палеографической практики, публикация была выполнена на том уровне, какого возможно было требовать от издания, подготовленного в конце XVIII в.

Мусин-пушкинское издание текста „Слова“ поставило себе задачей, видимо, не столько точное воспроизведение орфографии рукописи, сколько точную, как казалось издателям, передачу написаний рукописи, не пытаясь вводить в издаваемый текст каких бы то ни было осмысляющих его конъектур. В этом отношении издатели следовали установившейся в XVIII в. традиции издания старинных русских памятников, подкрепленной авторитетом Шлецера, — издателя Никоновской летописи. И не только на первых порах, но и позднее ряд последующих издателей текста „Слова“ придерживались этой традиции, точно воспроизводя мусин-пушкинский текст и лишь в пояснительных комментариях к нему предлагая те или иные поправки, начало которых положил еще Карамзин.

Так поступали Шишков (1805 г.), Пожарский (1819 г.), Вельтман (1-е издание 1833 г.), Дубенский (1844 г.), Буслаев (1861 г.). Впервые смело, хотя и большей частью неудачно нарушил эту традицию Грамматин (1821—1823 гг.), вводя в самый текст „Слова“ несколько вполне оправданных конъектур, большей частью предложенных его предшественниками, и засорив текст многочисленными самостоятельными неудачными исправлениями, обнаружившими его плохое знание древнерусского языка и старинной русской орфографии. Он же первый предложил две небольшие перестановки в тексте в пределах двух фраз мусин-пушкинского издания.

Там же.

В 1837 г. вышло издание „Слова“, принадлежащее Максимовичу. Следуя Грамматину, он ввел единообразие в употреблении ъ и ь в середине и в конце „Слова“, а также, как Грамматин, не приняв в расчет югославянской орфографии рукописи „Слова“, в соответствии с законами русской фонетики глухие, стоявшие после плавных, поставил перед плавными, нейотированные гласные заменил йотированными. Принял Максимович и кое-какие конъектуры Грамматина. Нужно, впрочем, сказать, что таким же образом поступили позднее (в 1877 г.) Потебня, о чем ниже, а также Буслаев в своей „Русской хрестоматии“, вышедшей первым изданием в 1870 г. Ничего сколько-нибудь существенного, по сравнению с предшествующими изданиями текста „Слова“, не дали издания Головина (1846 г.) и Гербеля (1-е изд. 1854 г.).

Существенной особенностью издания Гербеля было разделение „Слова“ на стихи и на двенадцать песен. Позднее, в 1871 г., очень близкое к гербелевскому делению текста „Слова“ на стихи сделано было в изданиях Малашева, который в точности соблюл и гербелевское деление на песни, снабдив их теми же заголовками, какие введены были Гербелем.

Крупным событием, имевшим большое значение для установления критического текста „Слова“, явилось опубликование в 1864 г. П. П. Пекарским „екатерининской копии «Слова»“. Этой публикацией очень удачно, особенно для своего времени, воспользовался Тихонравов, в целях установления критического текста „Слова“ и определения времени написания погибшего списка памятника. Это сделано было в его двух изданиях „Слова“ — 1866—1868 гг., скромно рекомендованных в качестве пособия для учащихся, но по существу представлявших собой очень важный этап в текстологическо-палеографическом осмыслении текста мусин-пушкинского издания. Положив в основу своего издания первопечатный текст „Слова“, Тихонравов внес в него целый ряд грамматических и орфографических исправлений, руководствуясь екатерининской копией. Пусть не все эти исправления во втором, пересмотренном Тихонравовым, издании оказались бесспорными, но существенное значение имел самый принцип палеографической критики текста, примененный Тихонравовым на основе сопоставления мусин-пушкинского издания и екатерининской копии и используемый исследователями текста „Слова“ вплоть до настоящего времени. В частности очень удачным и вполне оправданным было введение Тихонравовым в окончаниях слов и в середине их титл, объяснявших ряд явно испорченных чтений в обоих текстах, а также разницей в орфографическом начертании отдельных слов. Применение приемов палеографической критики дало возможность Тихонравову опровергнуть приурочение Мусиным-Пушкиным и некоторыми своими предшественниками погибшего списка „Слова“ к концу XIV или началу XV в. и подкрепить первоначальное предположение Малиновского и Калайдовича о том, что этот список приходится датировать XVI в. Если в настоящее время

мы склоняемся к предположению о том, что погибшая рукопись „Слова“ датируется не концом XVI в., как предполагал Тихонравов, а его началом, то мы только делаем уточнение датировки, предложенной и впервые аргументированной Тихонравовым.

Тихонравов, приняв ряд бесспорных конъектур к тексту „Слова“, предложенных его предшественниками, сам был очень осторожен в исправлениях темных мест памятника и предпочитал сознаваться в своем бессилии осмыслить их, чем прибегать к необоснованным и неубедительным догадкам. Позволив себе в первом своем издании „Слова“ заменить во всех четырех случаях Трояна на Бояна, он во втором издании в одном случае оставил Трояна неприкосновенным („землю Трояню“).

Для того чтобы оценить качество критической работы Тихонравова по установлению текста „Слова“ путем сопоставления обеих дошедших до нас копий памятника, достаточно сравнить сделанное им с тем, что сделано было Вельтманом во втором его издании „Слова“, вышедшем в 1866 г., одновременно с первым изданием Тихонравова. Вельтман на этот раз также воспользовался екатерининской копией, но оказал ей такое доверие, как более исправному, чем первопечатный текст, воспроизведению погибшего списка „Слова“, какого она, конечно, не заслуживала. Он, совершенно игнорируя мусин-пушкинское издание, единственно только ее принял за основу в своем издании и в дополнение к ней предложил большое количество дилетантских, безудержно фантастических конъектур.

Небольшая книжка Тихонравова, богатая для своего времени не только филологическими наблюдениями, оказавшимися плодотворными для установления критического текста „Слова“, но и сжатыми и в то же время весьма содержательными комментаторскими материалами, уясняющими самое существо памятника, в частности его отношение к народной поэзии, послужила толчком для ряда крупных исследований по „Слову“, появившихся в 70-х годах прошлого века. По степени интенсивности и оживленности работы над „Словом“, по смелости в постановке и разрешении ряда проблем, возникавших в связи с его изучением и установлением его текста, — это десятилетие оказалось наиболее ярким в историографии „Слова“, несмотря на ряд ошибок и неоправданных домыслов и часто дилетантских операций над памятником, допущенных отдельными исследователями как в отношении толкования самой его природы, так и в критике и реконструкции его текста.

Поскольку нас в данном случае интересует лишь проблема текста „Слова“, мы, не касаясь здесь, как в большинстве случаев в дальнейшем, частных разысканий, относящихся к отдельным спорным или неясным местам памятника, остановимся на тех трудах, в которых произведена критическая работа сплошь над всем текстом „Слова“. Тут необходимо отметить книги Огоновского („Слово о полку Игоревѣ“, поетичний памятник руської письменості XII віку“, Львов, 1876),

Вс. Миллера („Взгляд на «Слово о полку Игореве»“, М., 1877), А. А. Потебни („Слово о полку Игореве“, 1877), П. П. Вяземского („Слово о полку Игореве“. Исследование о вариантах, 1877).

Работа Огоновского по критическому изданию текста „Слова“ должна быть оценена в основном положительно. Учтя все, что сделано было в этом отношении его предшественниками, он с большой осторожностью вносил собственные конъектуры, допуская их лишь в том случае, когда дошедший до нас текст не давал надлежащего смысла. То же нужно сказать — в отношении установления текста „Слова“ — и о работе Вс. Миллера, в своей историко-литературной части содержащей, как известно, ряд совершенно ошибочных принципиальных положений.

Ссылаясь на Максимовича, предложившего некоторые перестановки в мусин-пушкинском тексте „Слова“, а также, видимо, принимая в соображение мнение Огоновского о наличии в „Слове“ нескольких глосс, сделанных переписчиками, Потебня пошел в деле реконструкции мусин-пушкинского издания гораздо дальше, чем Максимович и Огоновский. Он писал: „... я пришел к предположению, что в «Слове» многое не необходимо, многое стоит не на своем месте. Кажется, что список, дошедший до нас в издании 1800 г., ведет свое начало от черновой рукописи, писанной самим автором или с его слов, снабженной приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть может, конца XIII или самого начала XIV в.) в недоумение относительно того, куда их поместить. Для самого автора могло быть неясно, какие из амплификаций первоначального текста окажутся нужными, какие излишними при окончательной редакции, до нас не дошедшей или вовсе не осуществленной. Сверх того, кажется, в текст введены глоссы одного или более чем одного переписчика“.¹

Исходя из этих соображений, Потебня, помимо довольно значительных поправок к тексту, не всегда убедительных, делает в нем не только перестановки, руководствуясь, главным образом, абстрактными синтаксическими умозаключениями, но и выключает из „Слова“ немало отдельных частей его текста, порой значительных по объему, которые он считает приписками на полях, вставками и глоссами. Эти исключенные им места он заключает в квадратные скобки. Несмотря на ряд остроумных догадок, Потебня, естественно, не мог удержаться от таких операций с текстом „Слова“, которые являются в большей своей части произвольными, подсказанными субъективным подходом к тексту памятника. Кроме того, Потебня, следуя в основном за Буслаевым, реконструировал фонетику и орфографию „Слова“, применительно к идеальной норме языкового строя русских памятников XII в. и тем самым предложил не реальный, а им самим примышленный фонетический и орфографический облик „Слова“.

¹ А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. Воронеж, 1878, стр. 2.

Но если работа Поттебни над текстом „Слова“, не говоря уже о его историко-литературных разысканиях о памятнике, все же вошла в основной научно-исследовательский фонд „Слова“, то нельзя сказать того же о внешне весьма эрудированных, но по существу дилетантских и сумбурных, весьма многословных „исследованиях о вариантах“ „Слова“ П. П. Вяземского с пространными, очень запутанными экскурсами в область палеографической критики текста на основе мусин-пушкинского издания и екатерининской копии, с произвольными, слабо мотивированными текстовыми перестановками. Как и в объемистых его „Замечаниях на «Слово о полку Игореве» (1875 г.)“, кое-какие заслуживающие внимания наблюдения тонут здесь в массе некритических и часто поверхностных суждений.

Совершенно вне пределов науки и даже вне пределов здравого смысла стоит неоконченное „Исследование текста песни Игорю Святославичу“ М. А. Андреевского (часть 1, главы I—IV, Екатеринослав, 1879—1880), исходившего из положения о том, что „Слово“ по своему происхождению — памятник устного поэтического творчества, видоизменявшийся и искажавшийся в процессе перехода от одного певца к другому и затем под пером переписчиков и первых издателей. Исправления, осмысления, перестановки отдельных мест „Слова“ у Андреевского настолько фантастичны и часто бессмысленны, что вся его работа в целом производит впечатление курьеза.

Столь же бесплодна и противостоительна попытка радикальной реконструкции текста „Слова“, предпринятая в 1882 г. Д. И. Прозоровским.¹ Обратив внимание на хронологическую непоследовательность в изложении событий в погибшем списке „Слова“, Прозоровский пришел к заключению, что эта непоследовательность явилась результатом порчи текста со стороны переписчиков, и, не считаясь с тем, что автор „Слова“ сам стремился к тому, чтобы свивать „оба полы сего времени“, он реставрирует текст, восстанавливая хронологический порядок событий, закрепленный летописным повествованием. В связи с этим целые эпизоды различных частей „Слова“, связанные с бояновой эпохой, вплоть до тех, о которых рассказывается в конце „Слова“, сгруппированы в одно целое и перенесены к началу повествования. Нечего, разумеется, говорить о том, насколько произволен и ни с какой точки зрения не оправдан подобный прием реконструкции текста любого памятника, в том числе и „Слова“.

Труды по „Слову о полку Игореве“ А. Смирнова (О „Слове о полку Игореве“, 1877—1878) и Е. Барсова („Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси“; начало печататься в Чтениях в Общ. ист. и древн. рос. с 1883 г., вышло в трех томах отдельным изданием в 1887—1890 гг.) не заключают в себе издания

¹ Новый опыт объяснительного изложения „Слова о полку Игореве“. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. 3, СПб., 1882, стр. 211—292.

полного критического текста „Слова“, но в них мы находим критическое обозрение всех важнейших конъектур, предложенных многочисленными исследователями текста памятника, что само по себе явилось серьезной помощью в деле уяснения приемлемых исправлений трудных и неясных чтений „Слова“. Оба автора очень бережно относились к первопечатному тексту, и их труды явились своего рода противоядием против того разгула всякого рода безответственных и неоправданных в ряде случаев любительских реконструкций этого текста, какие особенно обнаружались в работах Андреевского, Прозоровского и галицкого автора Партыцкого.

В работе Смирнова мы почти не найдем собственных догадок и предположений по части конъектуральной критики текста „Слова“, но в труде Барсова, пользовавшегося методом палеографической критики текста, наряду с неприемлемыми и в дальнейшем не принятыми конъектурами, имеется ряд продуманных и обоснованных поправок, которые учтены и использованы в последующей текстологической работе над „Словом“.

Для работы над критикой текста „Слова“ немаловажное значение имело переиздание П. К. Симони екатерининской копии „Слова“ (в т. XIII „Древностей“, 1890 г.), сделанное со всей тщательностью и вносящее ряд поправок в издание Пекарского, оказавшееся в некоторых случаях неточным.¹ Ценна и являющаяся предисловием к изданию Симони статья И. И. Козловского „Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве»“. Тонкие палеографические соображения Козловского, основанные на сопоставлении мусин-пушкинского издания и екатерининской копии, продолжающие и углубляющие работы Тихонравова и Барсова в этом направлении, существенны в методологическом отношении, несмотря на то, что некоторые домыслы его являются спорными.

Последующие работы, посвященные текстологии „Слова“, в течение очень долгого времени, на протяжении около тридцати лет, не дали в сущности ничего сколько-нибудь ценного, а порой оказывались дилетантски-анекдотическими в осмыслении темных мест памятника или страдающими полным произволом в реконструкции их текста. Приведем несколько примеров, не придерживаясь хронологического порядка.

К числу первых относится работа А. В. Лонгинова „Историческое исследование о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.“ (Одесса, 1892), где находим, например, такого рода конъектуры: вместо „вступилъ дѣвою“ „вступи лѣдѣвою“, („лѣдѣва“, по Лонгинову, — негодяйка); вместо „одѣвахъте мя“ — „одѣвахъ темя“, вместо „и не сошлю къ синему морю“ — „и несло шлюхъ къ синему

¹ Следующее после издания Симони издание екатерининской копии „Слова“, принадлежащее А. Н. Пыпину, напечатанное в редактировавшемся им издании сочинений Екатерины II (т. XI, 1906), менее точно, чем издание Симони.

мору“ и т. д. К этому же разряду относится и напечатанная в 1915 г. в Житомире работа Н. И. Маньковского, как указано на титульном листе, преподавателя Волынской духовной семинарии по кафедре физики и математики. Считая „Слово“ произведением устным и песенным, а не книжным, он разбивает его на стихи и вводит коньектуры, во многих случаях столь же нелепые, как и коньектуры Лонгинова.

По фантастичности ряда коньектур в „Слове“ с книгами Лонгинова и Маньковского немало общего имеет и книга английского ученого Магнуса, вышедшая в Оксфорде в 1915 г. и содержащая в себе, кроме текста „Слова“ и его перевода на английский язык, предисловие и примечания.

В 1909 г. вышел в свет труд Ф. Е. Корша: „Слово о полку Игореве“ (вып. 6-й II тома „Исследований по русскому языку“. Изд. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук). Считая „Слово о полку Игореве“ произведением песенного характера, Корш предлагает текст памятника, разложенный на стихи (числом 647). По стихосложению он считает „Слово“ близким к великорусским былинам и украинским думам. Из сочинений, близких к своей работе и по мысли и по обработке „Слова“, Корш называет работу Ю. Тиховского „Прозою или стихами написано «Слово о полку Игореве»?“, в которой дан полный текст „Слова“, разбитый на стихи украинских дум. Нормой, по которой строился размер „Слова“, автор считает былинный стих в $\frac{4}{4}$ такта, не везде, впрочем, выдержанный. Однако прежде чем разложить „Слово“, руководствуясь былинным размером, Корш производит над его текстом довольно сложные операции. Ему прежде всего бросается в глаза строго выдержанная в мусин-пушкинском тексте постановка букв ъ и ь по церковно-славянски, после плавных, а не по-русски — перед плавными. Отсюда он заключает, что неизвестный переписчик XV—XVI в. „подгонял почти каждое слово и почти каждую грамматическую форму своего подлинника под тот образец книжной речи, который был ему знаком из южно-славянских рукописей или верных списков с них“. Поэтому первая задача всякого, кто хотел бы составить себе истинное представление о памятнике, — это, „удалив из него церковно-славянские примеси, перевести его на древне-русский язык и притом, по возможности, более чистый и народный, чем язык летописей, далеко не свободный от церковного налета“. „Такой перевод, — говорится далее, — не только изменяет впечатление от этого высокопоэтического памятника, приближая его к привычной нам народной песне, но и обнаруживает стихотворный склад речи там, где он уничтожен превращением русских форм в церковно-славянские“.

Нам представляется прежде всего совершенно неясным, какую научную ценность может иметь предпринятый Коршем „перевод“. Очевидно, автор возвращается к давно уже оставленному взгляду, по которому „Слово“ первоначально было устным произведением и лишь затем кем-нибудь записано (впрочем, определенно он об этом нигде

не говорит). Если такой точки зрения не придерживаться — а придерживаться ее нет никакого основания — то мы придем к заключению, что в „переводе“ Корша „Слово“ получает такую форму, в какой оно никогда не могло выйти из-под пера древне-русского писателя. Кстати заметим, что утверждение, будто орфография и язык известного нам списка „Слова“ чуть ли не рабски подгоняются под юго-славянские образцы, конечно, страдает преувеличением: модная в то время евфимиевская орфография на этом списке отразилась далеко не во всей своей полноте.

Для того чтобы подвести размер „Слова“ под определенную схему, автор не ограничивается переложением его на русский народный язык: он изменяет, дополняет или укорачивает самый текст там, „где того требовал смысл или строй стиха“, хотя бы чтение было совершенно ясно. Далее — так как имеющиеся у нас научные средства не позволяют нам точно определить те случаи, где глухие сохраняют свою гласность и где они ее теряют, то Корш руководствуется относительно этого вопроса церковно-славянской фонетикой (sic!). Точно так же, за отсутствием надежного критерия, нынешнее *й* считается то слоговым, то неслоговым, в зависимости от требования размера.

Само собой разумеется, что при таком свободном обращении с текстом выводы Корша не получили нужной доказательности. Впрочем сам Корш, как нельзя лучше, убеждает читателя в зыбкости своих построений, когда он оставляет без перевода две строчки текста, которые, по его мнению, только в своем церковно-славянском виде представляют стих.

В заключение приведем несколько наиболее разительных конъектур, какие допускает Корш, частью для восстановления в тексте смысла, большей же частью для образования стиха там, где его, по мнению автора, нет: „Кая ратнымъ || дорога?(се туръ бѣтєся), || братіє, || забывъ (ти) чьсти || и живота...“; „Всю ночь съ вечера бѣсови || ворони || възграхуть у Пльсьнєска || на болони, || (дѣлячекрѣваву || уѣдину); || бѣшя (изъ) дѣбри || (сѣнеслєся н)а ню || и несοшя ю кѣ синему || морю“; „Нѣ се (одьно гнѣздо) || кѣняже || (друго)му || не пособіє“; „Не ваю ли золоченыма || шеломома || (освѣчена поля || широкая? || Не ваю ли бѣрзая || комони || акы по морю), по крѣви плаващя?“; „И се хытьрыи || Боянѣ ти рекль ..“; „Володимѣръ кѣнязь || вѣсплакася, || одинѣ собѣ || на томѣ березѣ; || плачьє сѣ мати || Ростиславля...“ и т. д.¹

¹ По связи с работой Корша следует упомянуть работу над изучением ритмического строя текста „Слова“ А. И. Никифорова в его докторской диссертации (см. печатные тезисы диссертации, май 1941 г. и статью „Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»“, представляющую извлечение из диссертации и напечатанную в Уч. зап. Агр. пед. инст. им. М. Н. Покровского, т. IX, Фак. яз. и лит., вып. 2, 1941). А. И. Никифоров считает „Слово“ устным произведением, былинной XII в., сложенной осенью 1185 г. „народным придворным певцом“. По своему ритму оно сближается, с одной стороны, с былинами, с другой — с украинскими думами.

До чего рискованным и противоестественным оказался путь, по которому пошел Корш в своей попытке реконструкции „Слова“, наглядно можно судить по книге И. Мандичевского „Слово о полку Игореве (1188 р.)“. Литературна реконструкція“, вышедшей в 1918 г. во Львове и представляющей своего рода кривое зеркало работы Корша и одновременно что-то вроде пародии на нее. Будучи убежден в том, что язык „Слова“ был простонародный украинский, впоследствии разрушенный и искаженный псковским книжником, он восстанавливает этот „простонародный язык“, якобы исконный для „Слова“, прибегая одновременно к перестановкам, исключениям отдельных мест „Слова“. Естественно, что всерьез говорить о „труде“ Мандичевского не приходится.

Так же, как и Корш, в основу ритмико-метрического строя „Слова“ такт в $\frac{4}{4}$ кладет и Э. Сиверс (см. его работу „Das Igorlied metrisch und sprachlich bearbeitet“, Лейпциг, 1926), обосновывая, однако, выбор этого такта не аналогиями ритма и метра „Слова“ с былинным стихом, а совершенно искусственной теорией моторных реакций человеческого тела, насилая при этом древне-русскую фонетику. Для критического установления текста „Слова“ работа Сиверса никакой ценности не представляет (критику ее см. в статье Н. К. Грунского „Форма та композиція «Слова о полку Игоревім»“. Зап. Іст.-філолог. відд. УАН, кн. XVIII, 1928, стр. 5—11).

Не останавливаемся на работе другого ученого — Абихта по метрической реконструкции „Слова“ (1906 г.), столь же неудачной, как и его более ранняя работа (1895 г.) [о них см. в моей статье „Литература «Слова о полку Игореве» за последнее двадцатилетие (1894—1913 гг.)“ (Журн. Мин. нар. просв., 1914, февраль), и в статье М. П. Штокмара „Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв.“ (Сб. „Старинная русская повесть“, изд. АН СССР 1941)].

В числе дореволюционных изданий текста „Слова“, которые приходится учитывать, можно назвать издание П. В. Владимирова в его книге „Древне-русская литература Киевского периода XI и XIII вв.“ (1900) и С. К. Шамбинаго в серии „Универсальная библиотека“, изд. „Польза“ (1-е изд. 1912 г.). В основу обоих изданий положен текст

Касаясь мусин-пушкинского издания „Слова“, А. И. Никифоров в декларативной форме дает такую его оценку: „Я не отрицаю, что в тексте этого издания есть несколько (очень немного) испорченных мест. Можно даже допустить, что «Слово» раз-другой было переписано и получило потому некоторые небольшие несправности, но в целом надо сказать, что расположенное на былинный стих «Слово» в издании 1800 г. дает самый исправный и лучший текст, былинный текст, сравнительно со всеми его конъектуральными учеными изданиями. Больше того, текст «Слова» не только хорошо укладывается в былинный стих, не только нигде не обнаруживает разрыва ритма со смыслом, но, наоборот, благодаря стиху дает совершенно новое, и, мне кажется, более правильное осмысление отдельных мест, вызывавших большие разногласия в истолковании их различными исследователями“. (Проблема ритмики „Слова о полку Игореве“, стр. 238).

издания 1800 г., причем Владимиров в приложении к книге воспроизвел целиком мусин-пушкинское издание шрифтом, довольно близким к этому первопечатному изданию. Он ввел в изданный им текст ряд конъектур, предложенных его предшественниками, и предложил несколько самостоятельных конъектур, большей частью неудачных. Предпочтительнее текст С. К. Шамбинаго, если не считать, что хотя не в самом тексте „Слова“, но в переводе его он, очевидно разделяя мнение Потепни о позднейших глоссах и приписках к „Слову“, выделил в квадратных скобках места, которые, по его мнению, очень мало обоснованному, также являются позднейшими интерполяциями и поздними переделками писцов. Шамбинаго, кроме того, всюду заменил Трояна Бояном вслед за первым изданием Тихонравова.

В советскую эпоху сделаны большие успехи в области текстологии вообще. Эти успехи не могли не отразиться на советских изданиях текста „Слова“. За редкими исключениями эти издания свободны от тех любительских, дилетантских операций, которые часто имели место в текстологических работах над „Словом“ в дореволюционную эпоху.

В вышедшей в 1926 г. в Киеве, в издании Украинской Академии Наук, книге В. Н. Перетца „Слово о полку Игоревім“ центральное место занимает комментарий, которому предшествует текст „Слова“, напечатанный славянским шрифтом и обыкновенным гражданским шрифтом. Славянским шрифтом напечатан предполагаемый текст начала XV в., послуживший оригиналом для переписчика мусин-пушкинского текста, напечатанного гражданским шрифтом. По тексту сба варианта совпадают, различаясь лишь по орфографии (в текст, напечатанный по-славянски, введены буквы под титлами, паерки, юсы и некоторые другие чисто орфографические детали, на основе разночтений мусин-пушкинского издания и екатерининской копии). В оба текста внесены исправления, предложенные предшествующими исследователями и оговоренные в примечаниях, а также некоторые самостоятельные конъектуры издателя. Текст, напечатанный по-славянски, поделен так, что на каждую страницу приходится по 18 строк. Такой расчет строк на страницу сделан в предположении, что, как догадывался еще в 1886 г. А. И. Соболевский, в 1916 г. аргументировавший свою догадку, один из прежних переписчиков перепутал листы своего оригинала, и два листа, на которых содержался текст от слов „О Бояне, соловію стараго времени“, кончая словами „ищучи себѣ чти, а князю славѣ“, положил после листа, начинающегося словами „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце“, кончая словами „а любо испити шело-мь Дону“.¹ При таком предположении на каждый лист приходи-

¹ См. резюме доклада Соболевского в Историческом обществе Нестора-летописца 16 февраля 1886 г. (Чт. в Ист. общ. Нестора-летописца, кн. 2, Киев, 1888, стр. 264), а также его статью „Материалы и заметки по древне-русской литературе“ (ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 210—212). — В своем издании текста „Слова“

лось бы по 9 строк, применительно к изданию „Слова“ Тихонравова, т. е. вдвое меньше, чем позднее рассчитал В. Н. Перетц, не заметив при этом, что при предложенном им расчете строк на лист в одном из списков, предшествовавших мусин-пушкинской рукописи, нельзя объяснить возможность путаницы листов в этом списке, так как при таком расчете абзац, начинающийся словами „Тогда Игорь възрѣ...“ занимал бы не лист рукописи, а только одну страницу ее. Ошибка эта вскоре же была осознана самим В. Н. Перетцом, заявившим об этом печатно и таким образом подтвердившим правильность расчета Соболевского.¹

Как бы то ни было, сама по себе указанная крупная перестановка, едва ли не единственная крупная, является совершенно оправданной с точки зрения смысловой и вполне объяснимой с точки зрения палеографической и должна быть, по нашему мнению, узаконена.²

Конструированный В. Н. Перетцом текст „Слова“ начала XV в., напечатанный по-славянски в верхней части страницы, не может претендовать на убедительность ни в отношении орфографическом, ни в отношении грамматическом и является весьма гадательным; что же касается грамматического и орфографического облика „Слова“, каким он должен был быть в рукописи XVI в., т. е. в мусин-пушкинской рукописи, и каким он показан в нижней части страницы, то следует

(1891 г.) В. А. Яковлев, видимо, не будучи знаком с соображениями Соболевского и независимо от него, предложил ту же перестановку, что и Соболевский, никак палеографически ее не мотивируя.

¹ В. Перетц. Э приводу статті проф. Груньського. Зап. Іст.-філол. відд. УАН, кн. XIX, 1928, стр. 352.

² Подробнее в защиту этой перестановки см. в моей заметке „О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»“ („Слово о полку Игореве“. Сб. иссл. и стат., изд. АН СССР, 1950). Пользуюсь случаем, чтобы исправить собственные свои оплошности в этой заметке: 1) как следует из сказанного выше, вопреки моему утверждению в указанной заметке, соображения Соболевского о количестве перепутанных листов в одном из списков „Слова“, предшествовавших мусин-пушкинскому, и о количестве строк, приходившихся на лист этого списка, правильнее, чем соображения В. Н. Перетца; 2) приоритет в предложении перестановки в начале „Слова“ принадлежит не Яковлеву, а Соболевскому.

П. А. Маштаков, вслед за Соболевским, предложил еще одну крупную перестановку в тексте „Слова“, мотивируя ее также спутанностью листов в списке, предшествовавшем списку Мусина-Пушкина: он полагает, что отрывок „Темно бо бѣ въ 3 день... А мы уже, дружина, жадни веселія“ по смыслу нельзя признать за продолжение ответа бояр и что он должен находиться там, где идет речь о бедствиях Русской земли, т. е. после слов „Уныша бо градомъ забрала, а веселіе пониче“ („К тексту «Слова о полку Игореве»“, ИОРЯС, 1921, т. XXIII, кн. 2, стр. 74—76). Но гипотеза Маштакова, сама по себе остроумная, во-первых, не диктуется в такой мере, как перестановка в начале „Слова“, требованиями логической последовательности (по смыслу допустимо и то расположение частей реконструированного Маштаковым текста, какое мы находим в мусин-пушкинском издании), во-вторых, при реконструкции Маштакова не получается совпадения того расчета листов и количества строк в них, какой очень правдоподобно установлен Соболевским для одного из списков „Слова“, предшествовавших мусин-пушкинскому.

сказать, что в результате очень осторожной работы над текстом, далекой от ничем не оправданной, сколько-нибудь решительной ревизии мусин-пушкинского издания, он явился шагом вперед в текстологическом отношении. Трудно согласиться лишь с преувеличенной оценкой В. Н. Перетцем екатерининской копии, чтения которой использованы им при установлении текста „Слова“ в большей мере, чем это следовало бы. Само собой разумеется, что основная крупная перестановка, как и три других, в пределах одной-двух строк, предложенные Перетцем вслед за некоторыми его предшественниками, ставит себе задачей восстановление не мусин-пушкинского списка, а одного из предшествовавших ему списков. Нужно, однако, сказать, что кроме основной, крупной перестановки в начале „Слова“, рациональной и убедительной может считаться лишь одна из трех других — сравнительно мелких: постанова слов „и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови“ не после слов „аки пардуже гнѣздо“, как в первом издании, а после слов „Олеѣ и Святѣславъ тѣмою ся поволокоста“.

Рядом с работой над текстом „Слова“ В. Н. Перетца должна быть отмечена и работа А. С. Орлова, опубликовавшего научно-препарированный текст „Слова“ впервые в 1923 г. (Москва, изд. т-ва В. В. Думнов) и затем в научно-популярной серии Академии Наук СССР в 1938 и 1946 гг. В оба последние издания внесены поправки сравнительно с изданием 1923 г. Кроме того, орфографическая система мусин-пушкинского издания и екатерининской копии анализированы и объяснены в этих последних изданиях А. С. Орлова в особой VI главе книги. Текст „Слова“ в изданиях А. С. Орлова воспроизведен с очень большой бережностью в отношении к традиции, идущей от первопечатного издания. А. С. Орлов допускает лишь такие конъектуры, которые настоятельно вынуждаются очевидной порчей тех или иных чтений. В частности он вводит лишь одну небольшую перестановку (слов: „и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови“).

Теми же особенностями в основном характеризуется и работа над текстом „Слова“ С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржиги в издании „Academia“ (1934) и педагогические издания В. А. Келтуялы (1928) и Г. П. Шторма (1-е изд. 1934 г.).

Шагом назад, благодаря произвольным перестановкам и совершенно неоправданным конъектурам, является попытка реконструкции текста „Слова“ Л. А. Творогова („Примерный облик первоначального чтения текста «Слова о полку Игореве»“, на прав. рукоп., Новосибирск, 1944) и А. К. Югова („Слово о полку Игореве“, М., 1945).

В вышедшем к 150-летию юбилею первого издания „Слова“ сборнике Института русской литературы Академии Наук СССР „Слово о полку Игореве“ под редакцией В. П. Адриановой-Перетц (1950) имеется ряд статей, уясняющих некоторые текстологические

проблемы памятника (Л. А. Булаховского, В. Ф. Ржиги, М. В. Щепкиной, И. Д. Тиунова, Н. В. Шарлеманя).

В связи с той же юбилейной датой в серии „Литературные памятники“ Академии Наук СССР в 1950 г. вышло новое комментированное издание „Слова о полку Игореве“, отредактированное Д. С. Лихачевым.

В основу этого издания положено первопечатное издание памятника, по заявлению редактора, воспроизведенное „в наибольшей близости“, но с учетом всего того, что сделано было положительного в области текстологической критики „Слова“ за предшествующее время, причем редактор проявил сугубую сдержанность и осторожность в исправлениях издания 1800 г., прибегая к ним только в тех случаях, когда приходилось сталкиваться лишь с самыми очевидными ошибками первых издателей или с такими местами текста, которые считаются „темными“. В редких случаях вводятся исправления на основании несомненно лучших чтений екатерининской копии. Буква *i* в тексте всюду заменена *и*, которую редактор, вслед за А. С. Орловым, сделавшим такую же замену в своем издании „Слова“, считает для рукописей XVI в. более частой, чем буква *i*. Самый текст „Слова“ напечатан не в сплошную строку, а с разбивкой на отдельные строки, образующие ритмические единицы.

Таковы приемы критического издания текста „Слова“, примененные в этом издании.

В принципе следует вполне положительно оценить осторожность, какую редактор проявил в обращении с мусин-пушкинским изданием „Слова“: в конце концов, это издание дает единственный реальный текст, которым мы можем пользоваться, не рискуя прибегать ко всякого рода домыслам, в большей своей части являющимся все же гипотетическими. Но вместе с тем необходимо сказать, что не следовало бы этот текст в целом канонизировать в такой степени, как это делает Д. С. Лихачев. Он правильно поступает, допуская одну перестановку нескольких слов в середине текста, ту же, какая, как единственная, была допущена и А. С. Орловым (слов: „и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста Хинови“), но отказывается в то же время от той вполне оправданной большой перестановки, какую сам же, вслед за Соболевским, ввел год назад в редактированном им же тексте „Слова“ в малой серии „Библиотеки поэта“ (перестановка в части текста „О Бояне, соловію стараго времени... а князю славѣ“ впереди абзаца „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце... а любо испити шеломомъ Дону“).

Что касается поправок к изданию 1800 г., вводимых редактором на основании бесспорно лучших написаний екатерининской копии, то следует сказать, что он находился в очень затруднительном положении: лингвистические соображения, особенно о том, какие написания с глухими в конце слов точнее воспроизводят погибший список

„Слова“ — написания издания 1800 г. или екатерининской копии — до сих пор являются гадательными и спорными. Такими они, видимо, останутся и всегда, и поэтому нет ничего удивительного в том, что мы встречаемся с разноречиями у редакторов текста „Слова“, когда они делают выбор между чтениями мусин-пушкинского издания и екатерининской копии.

Нельзя считать бесспорным и обычно отдаваемое Д. С. Лихачевым в этом случае и в других предпочтение начертаниям издания 1800 г. перед начертаниями екатерининской копии. Можно думать, например, что принятые Д. С. Лихачевым написания этого издания „половецкаго“, „старога“, „залетѣло“, „залетѣти“, „полетѣти“, „стрѣлами“ (дважды) „веселія“ вместо „половецкого“, „старого“, „залѣтѣло“, „залѣтѣти“ „полѣтѣти“, „стрелами“, „веселія“ екатерининской копии введены первыми издателями в угоду современной им орфографии.

Не все конъектуры, принятые Д. С. Лихачевым, способствуют прояснению некоторых почти безнадежно темных мест „Слова“. К числу их принадлежит: вместо „Спала князю умь похоти“ 1-го изд. — „Спаль князю умь похоти“ (в авторском переводе — „ум склонился князя перед желанием“); вместо „на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю“ 1-го изд. — „на болони бѣша дѣбрь кияня и несошася къ синему морю“ (в авторском переводе — „в предградье стоял киевский лес, и понеслись (они — вороны) к синему морю“). (В этой конъектуре, во-первых, отсутствует логическая связь между обоими предложениями, во-вторых, Святослав, рассказывая боярам о своем сне, говорит о необычных, тревожных вещах, привидевшихся ему, и странно было бы, если бы рядом с ними указывалось, как недоброе предвестие, то, что было не во сне, а наяву, т. е. киевский лес, который, по справке комментатора, на самом деле находился перед теремом Святослава); вместо „и схоти ю на кровать и рекъ“ 1-го изд. „и съ хотию на кровъ, а тѣй рекъ“ [в авторском переводе: „(прибит) на кровъ со своим любимцем, а тот сказал“]. Все эти конъектуры так же мало проясняют смысл этих темных мест, как и другие, ранее предложенные. Вряд ли вообще кто-либо может дать удовлетворительные и убедительные исправления этих совершенно невразумительных мест.

Едва ли мы также уясним себе когда-нибудь такое предельно искаженное предложение, которое с незначительными вариантами читается в мусин-пушкинском издании и в екатерининской копии: „Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣстворца старога времени Ярославля, Ольгова Коганя хоти“. И принятая Д. С. Лихачевым, вслед за Забелиным, конъектура „Рекъ Боянъ и Ходына, Святѣславля пѣснотворца старога времени Ярославля, Ольгова коганя хоти“ (в переводе: „Сказали Боян и Ходына, святославовы песнотворцы, старого Ярослава, Олега князя любимцы“) едва ли что-либо уясняет по-настоящему в этом безнадежно испорченном месте „Слова“.

С исторической точки зрения соблазнительна конъектура, предложенная Д. С. Лихачевым: „Ярослави и вси внуце Всеслави“ вместо „Ярославе и вси внуце Всеслави“, но едва ли она приемлема с точки зрения синтаксической.

Трудно принять давно уже предложенную конъектуру „Стugna... растрена к устью“ (в переводе — „Стugna... расширенная к устью“): во-первых, каждая река к устью расширяется, и ничего тут характерного для Стугны нет, во-вторых, в тексте дается не безразличная, а отрицательная характеристика Стугны.

Нет оснований менять, как это делается в большинстве изданий „Слова“, как это сделано и в настоящем издании, пунктуацию и вместе с нею смысл во фразе, так напечатанной в 1800 г.: „Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“; — устраняя запятую после „Русицы“ и перенося ее после слов „конецъ поля Половецкаго“. Обращаясь к дружине, Игорю естественнее было бы призывать ее вместе с собой к одолению половцев, а не к тому, чтобы вся поголовно дружина сложила свою голову в битве с врагами. Гораздо правдоподобнее, что Игорь готов был жертвовать лишь своей головой, а не головами своих дружинников.

Напрасно редактор, вслед за А. С. Орловым, всюду в тексте „Слова“ *i* заменяет буквой *и* на том основании, что якобы буква *и* в рукописях XVI в. ставится значительно чаще, чем *i*, которое будто бы введено первыми издателями под влиянием орфографии XVIII в. Такая замена совершенно не оправдана: сто́ит посмотреть снимки с рукописей XVI в. (да и XV и XVII вв.) или хотя бы соответствующие страницы в „Исторической хрестоматии“ Буслаева, чтобы убедиться в том, что утверждение это неправильно. Наоборот, в рукописях XVI в. мы нередко встречаем *i* там, где полагалось бы быть *и*. Это правильно подметил и Барсов, указавший, что в „рукописях XVI в. получило весьма широкое употребление десятиричное *i*, которое часто ставилось там, где в древнем письме стояло *и* осмиричное“.¹

Нельзя, разумеется, отрицать в „Слове“ наличия большого количества ритмически организованных частей текста, но все же „Слово“ целиком не поддается ритмическому членению или, если угодно, поддается в такой же мере, как, например, многие места летописи: сравнительно несложная синтаксическая структура древне-русской прозы легко может ввести в соблазн придать ей ритмическое членение, но оно неизбежно окажется искусственным, так же как и в ряде случаев в тексте „Слова“, в частности, в тексте настоящего издания.

Мы, естественно, дольше задержались на характеристике последнего по времени издания текста „Слова“, вышедшего в академической

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 124.

серии, так как это издание, несмотря на некоторые свои спорные стороны, в основном является нормой, какая должна быть принята и в дальнейших изданиях текста „Слова“ и в дальнейших работах в области текстологии нашего памятника.

Назрела пора в академическом издании „Слова о полку Игореве“. В таком издании должны быть сведены в особом комментаторском аппарате все научные конъектуры к тексту „Слова“, когда-либо предложенные исследователями. Такого рода издание не только выявит историю почти полуторавековой работы по установлению этого текста, но поможет и в дальнейшей текстологической работе над „Словом“.

Необходимо продолжить и обновить очень плодотворную работу по составлению словаря „Слова“, начатую, но не доведенную до конца Барсовым. Следует фототипически издать екатерининскую копию „Слова“, которую не может заменить даже такая точная ее транскрипция, какая сделана П. К. Симони. Полезно было бы, наконец, продолжить работу над текстом „Слова“ в том палеографическом плане, какой мы имеем в трудах Тихонравова, Барсова, Козловского.
